От редакции

Религия и популярная фантастика

ТО объединяет такие известные трансмедийные франшизы популярной культуры, как «Звездные войны», «Игра престолов», «Гарри Поттер», «Терминатор», «Матрица», «Звездный путь», «Зловещие мертвецы», «Черное зеркало», «Сумерки», «Ведьмак», «Обитель зла», «Чужой», «Властелин колец» и далее по очень длинному списку? Все они относятся к жанру фантастики в самом широком ее понимании — фэнтези, ужасы, sci-fi и прочее. Фантастика является одним из самых востребованных жанров популярной культуры. Очевидно, что у современных потребителей есть запрос на то, чтобы постигать и даже вживаться в вымышленные миры, то есть целые вселенные, ставшие в последние несколько десятилетий важнейшими феноменами социальной и культурной жизни во всем мире.

На что не всегда обращают внимание, так это на то, что очень часто эти феномены связаны с религией. С одной стороны, это репрезентация религиозных тем в продуктах популярной культуры жанра фантастики, с другой — часто сами эти продукты становятся объектом религиозного поклонения. Взять хотя бы «Матрицу», «Звездные войны», «Звездный путь» и т.д. Эти франшизы уже давно стали источником новых форм религиозности и породили то, что некоторые авторы называют «имплицитными религиями», «вымышленными религиями», «гиперреальными религиями» и т.д. — матрицизм, джедаизм, треккис и т.д. Иными словами, современная фантастика — самый важный жанр, который в идеале должен быть проанализирован в контексте религии.

Вместе с тем изучение взаимодействия между религией и фантастикой — сравнительно новое направление гуманитарных исследований, к несчастью, не получающее в российской академии надлежащего внимания. Причины этого понятны. На первый взгляд, тема может казаться слишком специфической, касающейся только узкой прослойки ученых внутри соответствующих дисциплин, таких как религиоведение, литературная критика,

 $N^{0}3(37) \cdot 2019$ 7

culture, cinema, fan или game studies. В повседневном дискурсе религию и фантастику часто разводят, а иногда даже противопоставляют. Религия воспринимается как нечто старое и предельно серьезное, а фантастика, напротив, — как нечто современное и развлекательное. Но даже само это противостояние вызывает вопрос о том, как могут выглядеть пересечения между данными областями нашей культуры.

Между тем, таких пересечений немало. На самом поверхностном уровне находятся многочисленные терминологические и визуальные заимствования из религии и мифологии в сфере фантастического. От Ниандера Уоллеса из фильма «Бегущий по лезвию 2049», называвшего созданных им искусственных людей «ангелами», до переосмысления библейской образности в аниме Neon Genesis Evangelion и до многочисленных чудовищ античной мифологии, превратившихся в монстров или даже демонов из сравнительно молодой лавкрафтовской мифологии, противостоящих главным героям видеоигр. Одним словом, религиозные мотивы присутствуют в популярной фантастике повсюду. В то же время во многих новых религиозных движениях мы наблюдаем обратный процесс, будь то связь между научной фантастикой и сайентологией, заимствование викканами терминов из фэнтези или использование персонажей и сюжетов из массовой культуры при создании колод Таро, продающихся в магазинах оккультных товаров.

В таком контексте можно рассуждать о том, что исследовательница Дэниэль Кирби, анализируя функционирование массовой культуры, предложила называть «фантастической средой», обозначающей совокупность сюжетов и образов во всех фантастических произведениях¹. Кирби опиралась на идею «культовой среды», предложенной социологом Колином Кэмпбеллом, описывавшим множество представлений и практик, объединяющих разнообразные новые религиозные движения и традиции². Причем Кирби подчеркивала, что описанная ею «среда» полностью включает в себя и все представления, которые образуют «культовую среду» Кэмпбелла.

Такой обмен контентом заслуживает пристального внимания со стороны исследователей. Эта ситуация ставит вопрос о том,

^{1.} Kirby, D. (2013) Fantasy and Belief. Alternative Religions, Popular Narratives and Digital Cultures. London and New York: Routledge.

^{2.} Campbell, C. (1972) Cult, the Cultic Milieu, and Secularization. London: SCM Press.

не может ли существовать более глубокая связь между религией и фантастическим? Стоит вспомнить энтузиазм, с которым голливудские сценаристы использовали в своей работе схемы из «Тысячеликого героя» Джозефа Кэмпбелла, разработанные для анализа сходств между мифологией разных народов³. Теории Кэмпбелла относительно мифов можно критиковать. Но в случае с фантастикой универсальность описанного им «Пути Героя» стала самосбывающимся пророчеством: сейчас его построения применимы для анализа фантастических сюжетов потому, что в свое время множество писателей и сценаристов, таких как Джордж Лукас, сознательно формировали канон жанра с опорой на идеи Кэмпбелла.

Это не единственный пример того, как фантастика «апроприирует» религиозное, предварительно адаптированное для современного (пост)секулярного общества усилиями науки, искусства или политики. Так, можно вспомнить, как Джон Толкин и Клайв Льюис сознательно переосмыслили христианские концепции в рамках своих книг, а затем созданные ими сюжеты проникли в фантастику и до сих пор вновь появляются в книгах, фильмах, видеоиграх и комиксах. Также можно проследить, как религиозные представления американского христианства оказывали влияние на идеологию американской фантастики, что нашло отражение, к примеру, в упомянутых трансмедийных франшизах «Звездный путь» или «Матрица». Не менее интересно проанализировать историческую преемственность между религиозными утопиями Возрождения, секулярными утопическими проектами социалистов и затем коммунистов и утопической фантастикой, выходившей по обе стороны «железного занавеса», которая влияет на облик жанра и сейчас.

Но и такой исторический, генеалогический подход рискует упустить еще более фундаментальную связь религии и фантастики. В книге «Нового времени не было» социальный теоретик Бруно Латур описывает наш мир как мир гибридов⁴. По его мнению, современность в широком смысле слова разделяет мир жесткими границами: между светским и религиозным, «высоким» и «низким» искусством, наукой и повседневной культурой, живым и не-

 $N^{\circ}_{3(37) \cdot 2019}$ 9

^{3.} Campbell, J. (2004) *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton: Princeton University Press.

^{4.} *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

живым. Однако эти декларируемые границы только маскируют тот факт, что реальность состоит из множества гибридов. Причем, по мнению Латура, в современности количество гибридов только увеличивается. Сложные сети отношений между ними, производящие все новые и новые гибриды, определяют облик нашего мира.

Таким образом, само разделение между «религией» и «фантастикой» представляется интеллектуальным конструктом, призванным разграничить две громадные совокупности объектов. В таком контексте исследование взаимодействия между конкретными элементами этих множеств становится не просто возможным, но необходимым для полноценного понимания современной постсекулярной религиозности или современной фантастики.

Это кажется особенно актуальным в свете растущего влияния, которое фантастика оказывает на культуру вообще: фантастические фильмы добиваются признания критиков и собирают все больше зрителей, писатели, работающие в жанре научной фантастики, становятся респектабельными и уважаемыми, актуальные философы, обращающиеся к фантастике в своих работах, превращаются в самых модных мыслителей, а фантастические видеоигры объединяют миллионы игроков по всему миру. Мы даже знаем людей, которые строят свою жизнь в соответствии с нравственными принципами, изложенными в «Звездных войнах», или людей, для которых одно из самых важных событий в их жизни — премьера нового фильма из вселенной Marvel. Кажется очевидным, что фантастика не просто может, но неизбежно будет занимать важное место в сети отношений, определяющих религиозность современных людей на Западе. И вопрос, который должны ставить перед собой исследователи, состоит в том, что это за место.

Основываясь на классификации подходов к изучению связей религии и массовой культуры, предложенной Дэвидом Форбсом⁵, можно выделить четыре подхода к исследованию отношения религии и фантастики: религия в фантастике, фантастика в религии, фантастика как религия, диалог религии и фантастики. Конкретно этот сборник сосредотачивается главным образом на первом и в меньшей степени на третьем типе, изучая репре-

Forbes, B.D. (2005) "Introduction: Finding Religion in Unexpected Places", in B.D. Forbes, J.H. Mahan (eds.) Religion and Popular Culture in America, p. 10. Berkeley — Los Angeles, California: University of California Press.

зентации конкретных религий, религиозных сюжетов и религии вообще в фантастических произведениях, а также практик и мировоззрения фанатов фантастики, которые имеет смысл рассматривать с точки зрения религиоведения. Но мы надеемся, что это лишь начало долгой и плодотворной дискуссии, и, в свою очередь, настоящий номер журнала проложит дорогу к новым исследованиям, которые позволят всесторонне изучить взаимоотношения и взаимовлияние этих сфер.

Леонид Мойжес и Александр Павлов

 $N^{\circ}_{3}(37) \cdot 2019$ 11